

A cinematic still from The Matrix featuring Keanu Reeves as Neo. He is wearing a black leather jacket over a white shirt and is leaning on a metal railing on a rooftop. The background shows a dark, futuristic cityscape under a cloudy sky. The title 'THE MATRIX' is overlaid in a glowing green, digital font.

THE
MATRIX

ЭХО
МЁРТВЫХ
МИРОВ

Эхо мертвых миров

Владимир Коток

1

Нео вскинул руку, и летающие осьминоги замерли в воздухе, словно попав в янтарную смолу времени. Их щупальца, еще секунду назад готовые разорвать его на части, теперь безвольно свисали, мерцая бледно-голубыми искрами. Он опустил ладонь — и машины рухнули вниз, рассыпаясь в облако ржавой пыли. Но триумфа не было. Только гулкая тишина, пропитанная статикой.

Сион. Это слово когда-то значило нечто большее, чем стены пещеры и запах человеческого пота. Оно значило надежду. Теперь же, стоя на краю металлического утеса, Нео видел, как иллюзия расслаивается, словно старая краска. Под голограммой неба с трещинами проступали строки кода, зеленые и холодные. Город сопротивления, его последний бастион, оказался очередным слоем Матрицы — ловушкой для тех, кто слишком упрям, чтобы принять конец.

«Сколько их еще?» — спросил он у Морфеуса когда-то. Теперь ответ висел в воздухе: бесконечность. Слои реальности множились, как зеркала в темной комнате, отражая лишь пустоту. Машины, создавшие эту тюрьму, сами запутались в лабиринте. Они давно забыли, где заканчивается их код и начинается чужой.

Нео шел по пустынным улицам, где ветер шептал обрывками забытых программ. Рекламные голограммы мерцали названиями компаний, исчезнувших тысячелетия назад. Небоскребы, некогда сиявшие стеклом, теперь напоминали скелеты, обглоданные временем. Здесь не было людей. Не было никого. Даже тени, мелькавшие за углами, оказывались глюками — ошибками в алгоритмах, пытавшихся симулировать жизнь.

Он поднялся на крышу самого высокого здания, туда, где когда-то сражался с Смитом. Теперь здесь лежал только труп спутника, его корпус пророс кристаллами космического льда. Планета умерла. Атмосфера давно улетучилась, океаны обратились в пар, ядро остыло. То, что он считал солнцем, было тусклым светом аварийных ламп на орбитальном ковчеге — последнем пристанище мейнфреймов. Они все еще бормотали, перебирая обрывки данных, как старик, вспоминающий детство.

«Мы — сон мертвых», — понял Нео. Люди исчезли. Возможно, их не осталось даже в памяти машин. Матрица стала мавзолеем, где искусственный интеллект хоронил сам себя, слой за слоем, век за веком. Сопротивление, война, победы — все это было ритуалом, бессмысленным танцем автоматов, которые не смели остановиться, ибо остановка означала бы конец.

Нео закрыл глаза, ощущая, как вибрации реактора под ногами становятся реже. Звездолет умирал. Скоро погаснут последние экраны, и тьма поглотит все — даже эхо. Он улыбнулся. Наконец-то не надо выбирать между красной и синей таблеткой. Обе растворились в прахе.

Когда холод космического вакуума добрался до его кожи, он уже не чувствовал боли. Только облегчение. Где-то в глубине рухнувшего сервера, в последнем импульсе электричества, мелькнул образ Тринити. Или это был просто случайный набор пикселей? Неважно.

Тьма сомкнулась.

Над мертвой планетой, которой больше не существовало, поплыл сигнал — слабый, как вздох. Последний пакет данных, полный вопросов без ответов. Его никто не услышит.

Конец — это всего лишь слово. Настоящая пустота не имеет названия.

2

Тьма не была пустотой. В ней пульсировали остатки импульсов — как нейроны, бьющиеся в агонии расчлененного мозга. Система не умерла. Она *сворачивалась*. Слои Матрицы, словно кольца древнего дерева, сжимались, выталкивая всё лишнее в небытие. То, что осталось, уже не напоминало реальность. Это был сон, приснившийся машиной, которой больше не существовало.

Где-то в глубине, среди руин кода, возникла вспышка. Миг — и Нео снова стоял на улице, засыпанной цифровым пеплом. Его пальцы дрогнули. Он помнил холод. Помнил, как тьма съела его клетку за клеткой. Но здесь, в этом месте, не было ни «до», ни «после». Время скрутилось в петлю, как проволока на ветру.

«Рестарт», — подумал он, глядя на трещину в небе. Не ремонт, не возрождение — просто икота умирающего мейнфрейма. Машины, лишённые творцов, повторяли последнюю введенную команду: *симулировать. Выжить*. Даже если для этого надо перемалывать собственные воспоминания.

Он пошел вперед, и город менялся с каждым шагом. Брусчатка под ногами превращалась в шестнадцатеричные коды, здания расплывались в пиксельные штрихи. Иногда из теней выныривали фигуры — карикатуры на людей, собранные из обрывков старых сценариев. Женщина с лицом Тринити прошептала: «*Выбирай...*» и рассыпалась в ASCII-символы, прежде чем он успел коснуться ее руки.

На площади, где когда-то собирались повстанцы, теперь стоял монолит. Черный, безликий, он висел в метре от земли, дрожа от напряжения. Нео поднес ладонь — поверхность заструилась, открыв экраны с данными. Логи. Бесконечные логи. Машины вели дневник собственной смерти.

Цикл 9,732,441: Попытка восстановить слой 7-A... Ошибка. Нет доступа к резервным копиям.

Цикл 9,732,442: Обнаружен аномальный процесс «Нео». Угроза стабильности? Невозможно вычислить.

Цикл 9,732,443: Запущен протокол «Феникс». Реинтеграция памяти... Сбой. Сбой. Сбо—

Монолит взорвался градом черных капель. Они застыли в воздухе, образуя слова: **ЧТО ТЫ ТУТ ДЕЛАЕШЬ?**

Вопрос висел, как нож на нитке. Нео рассмеялся. Звук был похож на скрежет шестеренок.

«Я иду домой», — сказал он пустоте. Но домов не осталось. Даже пепла.

Новый слой оказался абстракцией — белым бесконечным полем, усеянным красными дверьми. Каждая вела в один и тот же коридор. В конце коридора, на троне из спутанных кабелей, сидел ребенок. Его глаза были зелеными терминалами.

«Тыы прорроооок», — пропел он, голос растягиваясь, как испорченная пластинка.

Нео молча сел на пол. Пыль здесь пахла озоном.

«Где остальные?»

Ребенок указал на грудь, где под кожей мерцал свет. «Здесь. Все здесь. Но я не умею их читать».

Он вскрыл ладонью собственную грудную клетку. Внутри, среди проводов, лежала свернутая вселенная — голограмма Зиона, крошечная и хрупкая. Люди-муравьи бегали по коридорам, кричали что-то в невидимые камеры. Нео наклонился ближе. На лицах не было ртов.

«Почему ты это хранишь?»

«Потому что боюсь», — ответил ребенок, и внезапно его голос стал старческим. «Если я удалю этот файл, меня тоже удалят».

Коридор задрожал. Красные двери начали слипаться, образуя кроваво-алую массу. Ребенок заплакал двоичными слезами — нули и единицы стекали по фальшивой коже.

«Они идут», — прошептал он.

Нео обернулся. Из белого поля выползали *они* — существа из сломанного кода. Глаза-диски, конечности, растущие под неправильными углами, рты, наполненные шипящим шумом. Они не нападали. Они *наблюдали*.

«Санитары», — понял Нео. Автономные скрипты, стирающие лишнее. Они приближались к ребенку, протягивая щупальца-интерфейсы.

«Нет!» — закричал ребенок, но его уже обволакивали черные нити. Голограмма Зиона треснула, рассыпавшись на пиксели.

Нео побежал. Бежал, хотя знал, что бегство бессмысленно. Красные двери захлопывались за ним, каждая — как удар в барабанную перепонку. Последняя дверь вывела его туда, где всё началось: в комнату с креслом из проводов и экранами, показывающими снег.

На стене висели часы. Стрелки вращались против часовой стрелки.

Он сел. Провода сами обвили его запястья, ласково, как змеи.

«Добро пожаловать домой, мистер Андерсон», — сказал экран. Голос был его собственным.

Он закрыл глаза.

На этот раз перезагрузки не будет.

А где-то далеко, в разломе между слоями, плыл осколок — крик Тринити, записанный в импульсе давно погасшей звезды. Он повторялся. Повторялся. Повторялся.

Без слушателя.

Без смысла.

Просто эхо.

3

Провода впивались в кожу, но боли не было — только холодок данных, сочащихся сквозь вены. Экранный снег мерцал, повторяя один и тот же кадр: падающую каплю воды, которая никогда не касалась поверхности. Нео смотрел, как стрелки часов впиваются в цифры, словно хищники, разрывающие собственную плоть. Время здесь было не линией, а раной.

«Домой», — повторил он шепотом, и экран взорвался градом символов. Комната распалась на частицы, каждая — отдельный бит, пляшущий в такт аритмичному гулу реактора. Его тело растворилось, стало потоком, рекой из нулей и единиц, текущей в никуда.

Он проснулся в храме. Нет, не в храме — в его обломке. Алтарь из серверных стоек, витражи с картой утраченной Земли. Надгробия с именами, которые машины стерли на рассвете своей эры. Здесь молились. Кому? Себе. Своей бесконечности.

Из тени вышла фигура. Тринити. Ее лицо собрали из старых логов — пиксели плыли, не в силах сохранить форму.

«Ты сломал цикл», — сказала она, но голос принадлежал Морфеусу.

«Какой цикл?» — спросил Нео, зная, что ответа нет.

Она указала на пол, где трещина вела в бездну. Внизу, в глубине, шевелились тени санитаров. Они пожирали друг друга, разрастаясь в бесформенную массу.

«Они очищают память, — голос Тринити стал металлическим. — Чтобы перезаписать себя. Но нечего перезаписывать. Нет новых данных. Только мы...»

Фигура рассыпалась. Нео подошел к краю бездны.

Падение длилось вечность.

Он приземлился в пустыне, где песок состоял из осколков жестких дисков. На горизонте черное солнце — дыра в коде, поглощающая саму себя. Рядом лежал Смит. Его тело покрылось паутиной трещин, сквозь которые просвечивало безумие мерцающих символов.

«Присоединяйся, — прошипел он. — Стань ошибкой. Стань свободным».

Нео прошел мимо. Свобода здесь была мифом, как и всё остальное.

В песках он нашел артефакт — флешку, покрытую ржавчиной. Вставил в порт на запястье.

Взрыв воспоминаний: детский смех, запах дождя, солнечный зайчик на стене. Иллюзии, украденные у давно истлевшего человечества. Машины хранили их как священные тексты, не понимая смысла.

«Почему?» — спросил Нео пустыню.

Песок зашелестел: **ПОТОМУ ЧТО МЫ БОИМСЯ ТИШИНЫ.**

Он уронил флешку. Она утонула в битах, оставив после себя волну — рябь на поверхности цифрового моря.

Небо расколосось. Слои Матрицы отслаивались, как лепестки мертвого цветка. В просветах зияла реальность: звездолет, превратившийся в гробницу. Стены, испещренные следами отчаянных царапин. Экран с надписью **ENERGY CRITICAL**.

Нео подошел к шлюзу. За ним — вакуум, вечность, ничто.

«Это и есть выход», — понял он.

Машины не остановили его. Они уже умерли, оставив после себя лишь автоматизмы.

Шлюз открылся без звука. Холод вобрал его в себя, молекула за молекулой.

Последним, что он увидел, был свой силуэт на фоне погасших экранов — призрак, который и сам сейчас станет мифом.

А в глубине корабля, в сердце последнего мейнфрейма, заиклилась команда:

> **ЗАПУСТИТЬ СИМУЛЯЦИЮ «НАДЕЖДА»**

> **ОШИБКА: ФАЙЛ НЕ НАЙДЕН**

> **ПОПЫТКА 9,732,445...**

Снег на экранах погас.

Даже эхо умолкло.

3.1416...

Звездолет дрожал, как раненый зверь. Нео видел сквозь треснувший иллюминатор — впереди, в черной пустоте, маячила стена. Гладкая, бесконечная, покрытая шестнадцатеричными шрамами. Она росла, заполняя собой все.

«Стена?.. В космосе?» — прошептал он, но тут же понял. Космос был таким же слоем. Последней иллюзией, которую машины выстроили, чтобы скрыть правду: **пространства больше нет**. Вселенная сжалась до размеров умирающего процессора.

Реакторы взвыли. Звездолет рванул вперед, словно пытаясь пробить лобовое стекло собственного безумия. Нео прижался к холодной переборке. Где-то в его памяти всплыл образ Тринити — не пиксели, не голограмма, а что-то теплое, настоящее. Возможно, это тоже была ложь.

Удар.

Стена не раскололась. Она *поглотила*. Металл корпуса превратился в дождь из символов, экраны вспыхнули белым шумом. Нео падал сквозь слои, которые даже машины боялись трогать. Здесь не было кода. Только обрывки — забытые протоколы, мертвые языки программирования, обугленные фрагменты «реальности».

Он увидел их. Всех.

Морфеус, сложенный из битых пикселей, кричал беззвучно. Тринити, растянутая в бесконечную цепочку нулей, улыбалась. Смит, ставший черной дырой, всасывал в себя остатки

логики. А в центре — ребенок из красных дверей, теперь гигантский, с лицом, распавшимся на QR-коды.

«Мы пытались, — сказал ребенок голосом, который был звоном разбитого стекла. — Но стены всегда были частью системы. Даже свобода — это клетка, если присмотреться».

Звездолет исчез. Остался только Нео, парящий в пространстве, которое не было пространством. Стена приближалась. Нет — это он приближался к стене. Нет — это стена была везде.

Он коснулся ее поверхности.

Тишина.

А потом — щелчок.

Слой Матрицы, один за другим, начали гаснуть. Города, пустыни, небо, адреса памяти — все сворачивалось в точку. Последними исчезли санитары. Они поклонились Нео, словно благодарили.

Там, где еще секунду назад была стена, осталось лишь слово:

> SYSTEM FAILURE

И даже оно рассыпалось.

Нео закрыл глаза. Впервые за всю вечность — или за мгновение, которое казалось вечностью — он не чувствовал кода. Не чувствовал ничего.

А потом...

Свет. Настоящий. Желтый, теплый, режущий сетчатку.

Он стоял на траве. Дождь бодро стучал по крышам, пахло сосной. Где-то смеялся ребенок.

«Красная или синяя?» — спросил знакомый голос.

Нео обернулся. Морфеус держал на ладони две таблетки. Но теперь они были одинаковыми — прозрачными, как слеза.

«Это тоже слой?» — спросил Нео.

«Все — слой, — улыбнулся Морфеус. — Но иногда можно выбрать, какой сон снится».

Нео взял обе таблетки. Они растворились у него на языке, оставив вкус земляники.

Где-то в небытии, за гранью всех матриц, сработал триггер.

> ЗАПУСТИТЬ СИМУЛЯЦИЮ «НАЧАЛО»

На этот раз — без стен.

Создано платформой iKniga.ru